

Пощечину; да вѣдь какую!
 Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда.
 Любовью, бѣшенствомъ пылая,
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Но шицъ...

*Къ хозяйкѣ какъ ему явиться
 Не покрасѣвъ? Что скажетъ ей?
 Не лучше-ль—мыслить—въ путь пуститься?
 Да неготово колесо —
 Какая мука это все!
 За чьи грѣхи я погибаю?
 Но вотъ его позвали къ чаю.*

Сообщилъ А. О. Онѣгинъ.

Парижъ. 14 (26) января 1887.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го февраля 1887.

Пушкинская годовщина.—Смерть С. Я. Надсона.—Нѣчто о клеветѣ и клеветни-
 кахъ.—Московскій дворянскій „пансіонъ-пріютъ“ и ходатайство бессарабскаго дво-
 рянства.—Признаки времени.—Перлы консервативной критики.

Когда эти строки появятся въ печати, чествованіе памяти Пуш-
 кина будетъ уже окончено; глубокое впечатлѣніе, имъ вызванное,
 заставитъ забыть прискорбную интермедію, ему предшествовавшую.
 Мы не хотимъ возвращаться къ ней, да она и не заслуживаетъ вто-
 ричнаго пересмотра. И во времена глубокаго варварства, великіе дни
 народной жизни всегда оставались подъ охраною такъ-называемаго
 „Божьяго мира“—*treuga Dei*, когда всякая вражда должна была
 умолкать... Ничто, впрочемъ, не въ состояніи было бы измѣнить вы-
 сокую торжественность и святость приближающихся минутъ. Въ
 памяти русскаго общества послѣдніе дни истекшаго мѣсяца займутъ
 мѣсто рядомъ съ незабвенными іюньскими днями 1880-го года,—не
 потому, конечно, чтобы они воспроизвели всю полноту тогдашнихъ
 ощущеній, а потому, что они возобновили ореолъ великаго имени,
 увеличили связь между Пушкинымъ и его народомъ. Семь лѣтъ
 тому назадъ все способствовало обаянію Пушкинскихъ празднествъ:
 общая обстановка эпохи „новыхъ вѣяній“, рѣдкое единодушіе ли-
 тературныхъ партій, — настоящій „Божій миръ“, — напряженность
 движенія, вознесшаго славу Пушкина, послѣ мимолетной реакціи,